«Вексель был прекрасным инструментом для проведения расчетов, но он должен был быть доступен, надежен и ликвиден», — писал Фернан Бродель по поводу средневекового вексельного оборота. Беспрепятственное обращение векселя в звонкую монету и свободная продажа векселей в обмен на монету многократно увеличивали торговый и экономический оборот.

Торжество права: превращение векселя в деньги

Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук., профессор МАМИ

Векселя имели широкое хождение не только в христианской Европе, но и во всем исламском мире, а также среди армянских купцов в Азии и индийских купцов в Индии. Но при этом даже трансграничные вексельные цепочки, какими бы сложными они ни были, не выходили за четко очерченные границы культурного, этнического и религиозного ареала. Нет примеров векселей, выписанных христианскими купцами или банкирами на мусульманских, армянских или индийских контрагентов и наоборот. Известны генуэзские векселя в Северной Африке, английские векселя в Британской Индии или на Маврикии, голландские векселя в Батавии, венецианские векселя в Леванте, но все они были частью цепочки вексельных расчетов между базирующимися здесь европейскими купцами и странами Европы. Западноевропейские векселя не проникали в Московское государство или на Дальний Восток. Глобальный вексельный рынок был разделен по религиозному и этническому принципу, и это разделение жестко соблюдалось, несмотря на то что имелись высокоэффективные и конкурентные системы вексельных расчетов внутри исламского мира, в Индии, среди армянских купцов в Азии.

Однако и внутри Европы ликвидность и обращаемость средневекового векселя очень сильно сдерживались ограниченным количеством участников вексельной сделки, которыми обычно были два или три хорошо известные друг другу контрагента и их доверенные лица. Главным препятствием к широкому использованию векселя был высокий риск неплатежа по нему и отсутствие твердых гарантий и отлаженного механизма превращения этого долгового инструмента в деньги, в том числе путем досрочного акцепта и дисконтирования. Эта проблема была отчасти решена в средневековой Европе через изобретение и дальнейшее использование практики индоссамента (передаточной надписи) для перевода вексельного долга с одного держателя на другого. Первые передаточные надписи на оборотной стороне западноевропейских векселей датируются 1570 годом, то есть почти через триста лет после появления в обороте первых итальянских векселей. Подпись на индоссаменте являлась юридически обязывающей и означала, что подписант принимал на себя всю ответственность по данному векселю. Практика индоссамента сделала теоретически вексель переводным и значительно повысила ликвидность этого долгового и платежного инструмента, породив, однако, принципиально новую проблему ответственности по векселю всех индоссантов, поскольку индоссамент сам по себе не гарантировал финального превращения векселя в

деньги, а не в новый вексель. Проблема заключалась в том, что переводной вексель в целях экономии, как правило, оформлялся без участия нотариуса и векселедержатель не мог претендовать на защиту своих интересов в гражданских судах, которые не признавали законности нотариально не оформленной передаточной надписи. Он не мог предъявить судебные претензии всем участникам вексельной цепочки, чьи подписи стояли в индоссаменте, как, впрочем, и эмитенту векселя. Средневековое гражданское судопроизводство признавало такое право только за первым в цепочке контрагентом, который непосредственно приобрел вексель у векселедателя при условии нотариального оформления сделки, отмечал бельгийский историк средневековых финансов Раймонд Де Рувер. Недаром многоопытный ростовщик Шейлок заявляет венецианскому купцу Антонио: «...К нотариусу вы со мной пойдите и напишите вексель...» Споры по векселям разбирались вместо этого в торговых судах, признававших законность перевода долга, а недобросовестные заемщики, в противовес этому, искали защиты в судах гражданских, принимавших их сторону.

С проблемой неплатежей по векселям несколько иного рода регулярно сталкивался открытый и публичный финансовый рынок в Антверпене, где количество участников вексельного оборота было очень велико. Поскольку в Антверпене торговали в основном купцы из Брабанта, Фландрии, балтийских городов Ганзейского союза, Германии, Испании и Голландии, которые не вели, в отличие от итальянских купцов и банкиров, бухгалтерских книг, они предпочитали использовать вместо двухстороннего «итальянского» векселя «обязательственное письмо» (letter obligatory), которое фактически являлось платежным поручением. В отличие от «итальянского» векселя, который являлся письменным подтверждением долга одного конкретного лица в пользу другого конкретного лица, этот долговой платежный инструмент являлся обезличенным. Он выписывался не на конкретное лицо, а на «предъявителя» и являлся свидетельством долга эмитента письма в пользу того, кто в данный момент им владеет. Это допускало дальнейший беспрепятственный перевод долгового обязательства путем индоссамента с одного лица на другое в процессе его обращения. Купец А мог взять обязательственное письмо у своего должника В и тут же путем индоссамента расплатиться этим письмом с определенным дисконтом со своим кредитором С, который мог использовать его при дальнейших расчетах, в том числе с первоначальным эмитентом В. Такое решение выглядело достаточно привлекательным для участников вексельного оборота и теоретически должно было давать (и давало) данному инструменту высокую ликвидность. В Антверпене в XVI веке широко распространилась практика дисконтирования путем переписывания обычных двухсторонних векселей в обезличенные обязательственные письма, которые имели широкий международный оборот и превратились в заменитель денег при торговых расчетах. Однако и этот долговой инструмент имел неопределенный юридический статус, поскольку гражданские суды не признавали законности перевода долга с одного лица на другое, который не был нотариально заверен и происходил без участия эмитента векселя или обязательственного письма. Такой долговой инструмент мог быть гарантированно оплачен, только если использовался как средство платежа при расчетах с его первоначальным эмитентом.

Потребовался многовековой период становления международной системы юридической защиты прав векселедержателей, которая в итоге решила проблему прав и ответственности всех участников цепочки вексельного оборота, обеспечила гарантии его обращения снова в деньги и открыла путь к дисконтированию векселей на рынке. Не случайно, что именно Англия стала родиной прецедентного судебного решения, позволившего успешно решить проблему неплатежей участников цепочки вексельного оборота в Европе в целом. Именно в Англии была уже широко развита практика дисконтирования векселей. Еще в 1238 году английским королем Эдуардом I, который получил за свою законотворческую активность прозвище Английский Юстиниан, был принят так называемый Статут о купцах. В нем признавалось, что в связи с отсутствием закона о полном и своевременном возврате долгов по векселям многие зарубежные купцы несли финансовые потери и переставали торговать с Англией, от чего королевская казна терпела значительные убытки. Устанавливалась официальная процедура оформления и письменной регистрации долговых обязательств в офисах мэров крупнейших английских городов в присутствии мэра и особого клерка, назначенного королем. Должник официально признавал свой долг и срок его уплаты, признание долга заносилось в особый реестр, и клерк своей рукой выписывал долговое обязательство (вексель), к которому прикладывалась печать должника и королевская печать, специально предназначенная для этой цели. В случае неплатежеспособности заемщика или его отказа платить кредитор предъявлял оформленное долговое обязательство в офис мэра соответствующего города, и мэр имел право вынести решение о продаже имущества должника для покрытия долга или (при отсутствии достаточного имущества) о его аресте и помещении в тюрьму вплоть до выплаты долга его поручителями. Если поручители не выполняли своих обязательств, к ним применялась такая же процедура, как и к несостоятельному должнику.

Консервативный формализм общего английского права (Common Law), тормозивший развитие рыночных отношений, привел к прямым заимствованиям английским правом ряда норм торгового и канонического права, складывающегося на межгосударственной основе. В 1285 году король Эдуард I учредил торговый суд в Лондоне, состоявший из иностранных купцов, а в 1303 году подписал международный договор Carta Mercatoria, согласно которому в торговых судах должны были без проволочек разбираться все коммерческие споры. В случае конфликта между английскими и иностранными купцами половина состава судей выбиралась из иностранных купцов. Появление целого ряда важнейших для международных финансов и торговли прецедентных решений было связано с деятельностью именно этих английских торговых судов, правовые решения которых часто скреплялись королевскими статутами. В 1353 году был принят специальный королевский статут об оптовой торговле и городских торговых судах, которые должны были создаваться местными и иностранными купцами под председательством мэров английских городов. Статут предписывал использование в торговых судах норм торгового, а не общего права.

Возможность предъявления судебных исков векселедержателем не только к эмитенту векселя, но и ко всем последующим индоссантам ста-

ла реальностью после прецедентного вердикта Лондонского торгового суда (London Mayor's Law Merchant Court) в пользу одного из таких держателей еще в 1436 году. Процесс получил название «Бертон против Дэйви» и касался вексельной сделки, заключенной для финансирования торговой сделки между Фландрией и Англией. В Брюгге некий английский купец продал свой вексель и получил средства в местной валюте для закупки тканей. Он выписал вексель на своего лондонского агента Дэйви, который и должен был его оплатить в надлежащий срок в объеме 30 фунтов стерлингов. Лондонским агентом кредитора был некий Бертон, который должен был получить деньги по векселю, но предварительно продал этот вексель третьей стороне, некоему Джону Вальдену, с помощью индоссамента и с дисконтом. Когда Дэйви отказался оплатить предъявленный Вальденом вексель, он обратился в суд, но вынужден был привлечь в качестве непосредственного истца Бертона. После длительного рассмотрения суд вынес решение в пользу «Бертона, а также и Вальдена, держателя того же самого векселя», подтвердив его полное право на получение денег по векселю. Это прецедентное судебное решение значительно снизило риск неплатежа со стороны векселедателей и дало судебную защиту векселедержателям, обеспечив им возможность наложения судебного взыскания на имущество любого недобросовестного должника в вексельной цепочке. Переводной вексель стал еще, таким образом, и оборотным. Аналогичные судебные решения об ответственности всех участников цепочки расчетов по оборотным векселям по практически идентичным искам были приняты коммерческими судами Антверпена (1507) и Брюгге (1527). Генеральные Штаты Нидерландов в период 1537–1541 годов разработали и приняли первое в Европе законодательство, которое обеспечило свободный оборот векселей, и установили по ним максимальную процентную ставку в 12%. Немного позднее предельная ставка в 10% по векселям была установлена и в Англии. Таким образом, ростовщичеством стало считаться взимание более высоких процентов. Благодаря этому держатели векселей могли начать свободно торговать ими с дисконтом, что ранее преследовалось Церковью как ростовщичество, отмечал канадский историк Джон Мунро. В 1673 году французский король Людовик XIV принял «Ордонанс о торговле», в котором подвел итоги предыдущих правовых актов. Он установил форму векселей (отменив вексель в устной форме), сроки предъявления векселей к оплате, сроки опротестования неоплаченных векселей и официальную процедуру вынесения протеста. Было подтверждено право владельцев векселя, получивших его по передаточной надписи, предъявлять вексель к оплате и установлены сроки такого предъявления. «Тот, кто подпишет вексель, должен быть принужден к выполнению его условий», — гласило ключевое положение этого закона. Для иностранных держателей векселей вводились пролонгированные сроки по предъявлению векселей к оплате. Владельцы векселей из Англии, Фландрии и Голландии должны были это сделать в течение двух месяцев, Италии, Германии и Швейцарии — в течение трех месяцев, Испании — в течение четырех, а Португалии, Швеции и Дании — в течение шести месяцев после наступления срока платежа.

> ГЛАВНЫМ ПРЕПЯТСТВИЕМ К ШИРОКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВЕКСЕЛЯ БЫЛ ВЫСОКИЙ РИСК НЕПЛАТЕЖА ПО НЕМУ И ОТСУТСТВИЕ ТВЕРДЫХ ГАРАНТИЙ И ОТЛАЖЕННОГО МЕХАНИЗМА ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭТОГО ДОЛГОВОГО ИНСТРУМЕНТА В ДЕНЬГИ

Векселя, став переводными и оборотными и получив юридическую защиту, все больше превращались в средневековую «свободно конвертируемую валюту». Векселя стали широко ходить и как долговой инструмент, и как средство платежа, заменяющее деньги. Особое распространение ценно-бумажные формы кредитования и финансирования торговли получили в последней четверти XVI века. Типичным стало присутствие на векселе десятков, а то и сотен индоссантов. Переводные векселя меняли владельцев 10–20 раз перед погашением, более сотни участников оборота по одному и тому же векселю было достаточно распространенной практикой. Векселя стали использоваться как средство взаиморасчетов и зачетных платежей, возникали сложные цепочки вексельных расчетов, которые в итоге замыкались, и вексель часто приходил к своему эмитенту в качестве платежа по новой сделке. Подготовка к расчетам по контракту начиналась с поиска на рынке и с приобретения с дисконтом векселей, выпущенных ранее контрагентом, которому надо было заплатить. Практика приобретения банкирскими домами векселей до срока их погашения с дисконтом за деньги или в обмен на свои векселя, возникшая в этот период, имела огромное экономическое значение. Американский историк Меир Кон отмечал, что свободный рынок векселей, покупаемых и продаваемых с дисконтом, стал еще одним революционным изобретением, заложившим основы европейских коммерческих банков и европейского финансового рынка последующего периода. Банки активно выпускали свои собственные векселя, используя их как инструмент собственного фондирования и привлечения капитала. Во многих случаях векселя лучших банкирских домов (таких как Дом Фуггеров в Германии) обращались фактически как современные банкноты. Вексельное обращение создавало предпосылки к введению бумажных денег.

Возникновение и дальнейшее развитие вексельного оборота в средневековой Европе позволило преодолеть препятствия на пути успешного экономического развития, порожденные церковными запретами на взимание процентов по ссудам и государственными ограничениями на оборот монеты из драгоценных металлов. Положительный эффект этого долгового и платежного инструмента трудно переоценить. Эволюция векселя, несомненно, имела огромное значение для создания развитых финансовых и биржевых рынков, для появления принципиально новых долговых инструментов, обеспечивших успешное проведение «финансовой революции» в преддверии «революции промышленной». Дисконтирование переводного векселя и свободное обращение его в деньги до срока погашения, обеспеченное достаточной юридической защитой, явилось «финансовым изобретением» огромной важности, поскольку заложило основы современной системы коммерческих банков.